

БЕНОЦО ГОЦЗОЛИ
ЖИЗНЬ АВГУСТИНА

(презентация Бандуровского Константина)

Беноццо Гоццоли
родился в 1420 году
во Флоренции.

Слева его
автопортрет на
фреске «Шествие
волхвов» из
Капеллы волхвов в
Палаццо Медичи-
Риккарди (1459 г.).
На шапочке
подпись: Opus
Venotii, взгляд
направлен на
зрителя.

Он также изобразил
себя и в этом цикле.

В 1463 году Гоццолли покинул Флоренцию из-за чумы и переселился в **Сан-Джиминьяно**, находившемся на возвышенности; считалось, что это безопаснее. Этот город известен своими башнями, которых в 13 в. было более 70, до нашего времени сохранилось только 14.

Церковь Св. Августина была построена между 1280 и 1298 годами отцами-августинианцами, незадолго после признания их ордена папой Александром IV в 1256 г. Это скромная однонефная церковь с деревянной фермовой крышей и четырехугольной часовней, окаймленной двумя меньшими часовнями.

Город назван в честь **св. Геминиана из Модены**, старшего современника Августина, участвовавшего в 390 году в соборе под председательством Амвросия Медиоланского.

На фреске Гоццоли он держит город: в Средние века, как и в Античности, город часто отождествлялся со своим покровителем.

Гоццоли был знаком с росписью церкви Св. Августина в Губбио, созданной **Оттавиано Нелли** (1410-1420); у Вазари были зарисовки этой росписи, выполненные Гоццоли. Однако Гоццоли скорее отталкивается от Нелли, чем следует ему. У Нелли пространство очень плоское, фигуры символические, сюжеты типа Августин ускакал – Августин прискакал, отличающиеся только тем, что в первом начала город, потом Августин на лошади, а во втором – наоборот. Ворота Карфагена и Остии совершенно идентичны, корабль отчаливает прямо от ворот, без какой-либо пристани. Гоццоли выстаривает сложные композиции в разных планах и ярусах, прорабатывает портреты и детали, насыщает бытовыми сценками, ироническими комментариями.

Августинианец **Фра Доменико Страмби** поручил Гоццоли роспись, и, по-видимому, составил иконографическую программу. Страмби изображен в сцене смерти св. Моники, так же он изображен в сцене крещения.

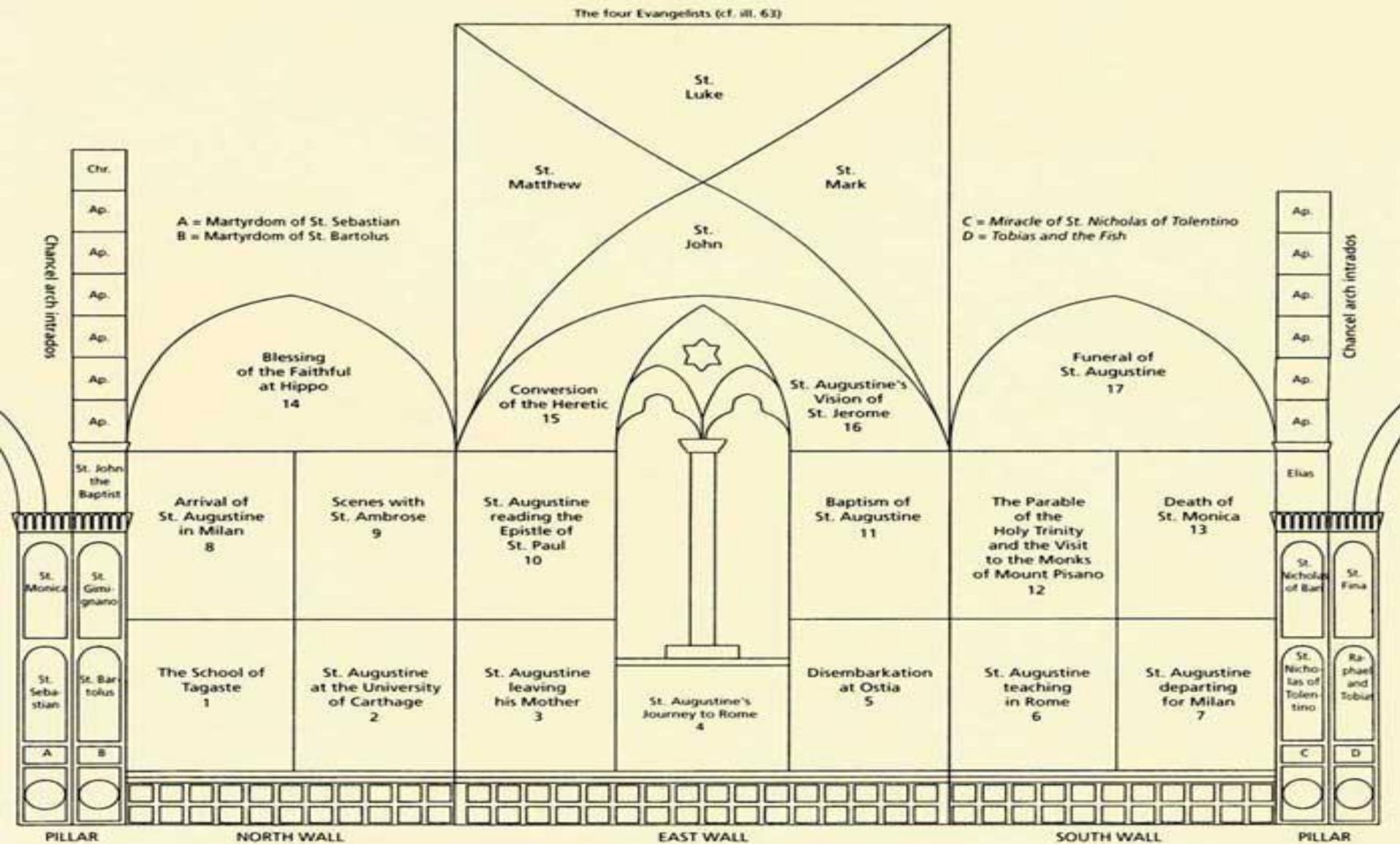

Схема росписи

Большую роль в жизни Августина играла его мать, **Моника** (331-387), почитаемая как святая (в католицизме) и праведная (в православии). Она старалась обратить Августина в христианство и очень печалилась из-за его поведения и увлечения манихейством.

Однако ей были знаки, что Августин примет христианство: видение, в котором она стоит на одной доске с сыном, разговор с епископом, бывшим манихеем, который убеждал ее, что излишне настойчивое – приводит к противоположному эффекту, подобно тому, как няня Моники запрещала пить детям много воды, стараясь их приучить к умеренности и отвратить от пьянства, но в результате этого у Моники возникла страсть к вину.

Моника умерла незадолго после крещения Августина, чувствуя, что она осуществила свое предназначение и может уйти к Богу.

Августин ценил свою мать не только как христианку, но и как собеседника в философии, часто предлагающего неожиданные идеи для выхода из апорий.

Редкий сюжет, **Августина приводят в школу**. Августин напуган, руки сложены в защитном жесте, крест на крест, перед ним разворачивается его будущее: схваченный ребенок с голым задом ожидает, что учитель (тот самый, который слева наклонился над Августинем) будет его бить плеткой. Сбоку зеркально изображена фигура мальчика, похожего на Августина, возможно это он же ждет своей очереди. Гоццолли вдохновился, по-видимому, таким текстом:

«Боже мой, Боже, какие несчастья и издевательства испытал я тогда. Мне, мальчику, предлагалось вести себя как следует: слушаться тех, кто убеждал меня искать в этом мир успеха и совершенствоваться в красноречии, которым выслуживают людской почет и обманчивое богатство. Меня и отдали в школу учиться грамоте. На беду свою я не понимал, какая в ней польза, но если был ленив к учению, то меня били; старшие одобряли этот обычай. Много людей, живших до нас, проложили эти скорбные пути, по которым нас заставляли проходить; умножены были труд и печаль для сыновей Адама ... Маленький, но с жаром немалым, молился я, чтобы меня не били в школе. И так как Ты не услышал меня – что было не во вред мне, – то взрослые; включая родителей моих, которые ни за что не хотели, чтобы со мной приключалось хоть что-нибудь плохое, продолжали смеяться над этими побоями, великим и тяжким тогдашним моим несчастьем.»

Деятнадцатилетнего **Августина** принимают в университет **Карфагена**. Августин стоит на коленях, по-видимому, так представляется ритуал вступления в университет. Согласно Исповеди, это период глубокого мрака: «кругом меня котлом кипела позорная любовь», адское дыхание желания, театральные зрелища, честолюбивые помыслы и увлечение манихейством – «такова была жизнь моя, Господи: жизнью ли была она?». Ничего этого художник не изображает. Впрочем, именно тогда Августин читает диалог Цицерона «Гортензий», обративший его к философии.

В это время **Моника молится за Августина:**

«Другой ответ свой дал Ты через Твоего священнослужителя, одного епископа, вскормленного Церковью и начитанного в книгах Твоих. Когда мать моя упрасивала его удостоить меня своей беседы, опровергнуть мои заблуждения, отучить от зла и научить добру (он поступал так с людьми, которых находил достойными), то он отказался, что было, насколько я сообразил впоследствии, конечно, разумно. Он ответил, что я заупрямлюсь, потому что ересь для меня внове, я горжусь ею и уже смутил многих неопытных людей некоторыми пустячными вопросами, как она сама ему рассказала. "Оставь его там и только молись за него Богу: он сам, читая, откроет, какое это заблуждение и какое великое нечестие". И он тут же рассказал, что его мать соблазнили манихеи, и она еще мальчиком отдала его им; что он не только прочел все их книги, но даже их переписывал, и что ему открылось, безо всяких обсуждений и уговоров, как надо бежать от этой секты; он и бежал. Когда он рассказал об этом, мать моя все-таки не успокоилась и продолжала еще больше настаивать, моля и обливаясь слезами, чтобы он увиделся со мной и поговорил. Тогда он с некоторым раздражением и досадой сказал: "Ступай, как верно, что ты живешь, так верно и то, что сын таких слез не погибнет". В разговорах со мной она часто вспоминала, что приняла эти спора так, как будто они прозвучали ей с неба.»

Справа **Моника благословляет Августина на путешествие в Рим, в Исповеди эта сцена изображается иначе:**

мать «горько плакала о моем отъезде и провожала меня до самого моря. Она крепко ухватилась за меня, желая или вернуть обратно, или отправиться вместе со мной, но я обманул ее, сочинив, что хочу остаться с приятелем, пока он не отплывает с поднявшимся ветром».

Августин плывет в Рим. Фреска Гоццоли полностью утрачена, это поздняя фантазия. Корма еще у Карфагена, а нос уже касается Рима. На самом деле такое плавание было каботажным - прибрежным, с ночными заходами в гавани, и занимало 10 дней. Описание превратностей путешествия в «О благой жизни» возможно вдохновлено этим путешествием.

Августин прибыл в Остию. Его встречает Алипий.

Августин преподает в Риме. Он возвышается на очень пафосной резной кафедре, по бокам восседает золотая молодежь. Но Августин глубоко разочарован в своей профессии и удручен поведением студентов, перешептывающихся, смотрящих в расписной потолок, демонстрирующих свои одеяния, и увлеченно разглядывающих забежавшую дворняжку. А молодой человек слева сложил руку в странном, но характерном жесте, как будто держит невидимый смартфон.

«Я прилежно взялся за дело, ради которого я приехал: начал преподавать в Риме риторику и сперва собрал у себя дома несколько учеников, знакомство с которыми доставило мне и дальнейшую известность. И вот я узнаю, что в Риме бывает то, чего в Африке мне не доводилось испытывать: здесь, действительно, юные негодяи не ставят всего вверх дном – это я сам видел, – но мне рассказывали о другом: "Вдруг, чтобы не платить учителю, юноши начинают между собой сговариваться и толпой переходят к другому. Этим нарушителям слова дороги деньги; справедливость у них стоит дешево". Ненавидело таких сердце мое... Я решил ... тихонько отойти от этой работы языком на торгу болтовней: пусть юноши, помышляющие не о законе Твоем, не о мире Твоем, но о лжи, безумии и схватках на форуме, покупают оружие своему неистовству не у меня.»

Вскоре **Августин** отправляется в столицу **Римской империи, Медиолан**, преподавать в императорской школе.

Крайний слева на фреске – возможно сам **Гоццоли**. Справа перфект **Симмах**, выхлопотавший место **Августину**.

Августин прибывает в Медиолан. Гоццолли конструирует глубокое и многоярусное пространство, поскольку хочет изобразить приезд в движении, через ряд эпизодов: (1) Августин снимает дорожную одежду, (2) преклоняется перед императором Теодором и (3) встречается с Амвросием. Ячеистость пространства позволяет это сделать.

На этом изображении опять три эпизода:

- ❖ Справа Августин слушает проповедь Амвросия. Сам он это описывает так: «Я прилежно слушал его беседы с народом не с той целью, с какой бы следовало, а как бы присматриваясь, соответствует ли его красноречие своей славе, преувеличено ли оно похвалами или недооценено; я с величайшим вниманием ловил его слова и беззаботно пренебрегал их содержанием. Я наслаждался прелестью его речи, более ученой, правда, но менее яркой и привлекательной по форме, чем речь Фавста.»
- ❖ Слева Августин беседует с Симплицианом, который рассказывает ему, как неоплатоник Викторин обратился в христианство.
- ❖ В центре Моника слушает Амвросия "у источника воды, текущей в жизнь вечную".

«Не помню, как упал я под какой-то смоковницей и дал волю слезам... И вот слышу я голос из соседнего дома, не знаю, будто мальчика или девочки, часто повторяющий нараспев: **"Возьми, читай! Возьми, читай!"** Я изменился в лице и стал напряженно думать, не напевают ли обычно дети в какой-то игре нечто подобное? нигде не доводилось мне этого слышать. Подавив рыдания, я встал, истолковывая эти слова, как божественное веление мне: открыть книгу и прочесть первую главу, которая мне попадет. ...Взволнованный, вернулся я на то место, где сидел Алипий; я оставил там, уходя, апостольские Послания. Я схватил их, открыл и в молчании прочел главу, первую попавшуюся мне на глаза: "не в пирах и в пьянстве, не в спальнях и не в распутстве, не в ссорах и в зависти: облекитесь в Господа Иисуса Христа и попечение о плоти не превращайте в похоти". Я не захотел читать дальше, да и не нужно было: после этого текста сердце мое залили свет и покой; исчез мрак моих сомнений. Я отметил это место пальцем или каким-то другим знаком, закрыл книгу и со спокойным лицом объяснил всё Алипию».

Стремясь передать подчеркиваемое сомнение Августина в половой принадлежности ребенка Гоццоли изображает сразу и мальчика, и девочку.

Сцена крещения **Августина** Амвросием, произошедшего на Пасху 378 года. Разомкнутый круг колон баптистерия рифмуется с кругом людей. Позади Августина Моника, справа заказчик, Доменико Страмби, держит белые одежды для новокрещенного. Надпись гласит: Тебя, Господи, мы восхваляем – Тебя, Господи, мы исповедуем, по легенде это слова Амвросия и ответ Августина, ставшие затем литургическим гимном. На купели написано ADI PRIMO DAPRILE MILLE CCCCLXIII – 1 апреля 1464, дата завершения фрески.

Три легенды об Августине.

- ❖ Вверху Августин встречается с монахами-августинианцами на горе Пизано, этот сюжет, изображенный впервые, призван повысить авторитет ордена и показать его прямую преемственность.
- ❖ Слева рассказ из письма Кирилла Иерусалимского: Августин, размышляя о тайне Троицы, встретил ребенка на берегу океана, наливающего воду в ямку при помощи раковины. Когда Августин спросил его, что он делает, ребенок ответил, что невозможно исчерпать тайну Троицы, как невозможно вычерпать океан. В этом популярном в иконографии сюжете океан часто заменяется рекой, а раковина – ложкой.
- ❖ Справа Августин дает монахам Правило (составленное в 388-389 гг.).

Везде Августин изображен в одеянии августинианцев, и хотя исторически этого не могло быть (и едва ли Августин был на горе Пизано), святые это такие люди, которые могут являться когда угодно и кому угодно.

Смерть Моники случилась в Остии, вдалеке от Африки. Гоццолли выстраивает сложную композицию – комнату Моники со множеством фигур, внизу плачущий внук, Адеодат (которому было на самом деле 14 лет), отделение души от тела, отплытие Августина в Карфаген, а сбоку бытовая сценка с обнаженными бегущими детьми и собакой, снижающей пафос и выступающей контрапунктом к плачущему Адеодату. Наверное, так художник выражает слова Августина: «для нее смерть не была горька, да вообще для нее и не было смерти».

Триумф Августина

В люнетту вписана **сцена спора Августина с манихеем Фортунатом**, описанного в «Золотой легенде» Якова Варагинского. Фортунат не смог ответить на вопросы Августина и бежал. Августину также принадлежит сочинение «Против Фортуната». Также эту сцену можно трактовать обобщенно, как спор с еретиками.

Августин изображен в епископской митре, но в облачении августинианца.

В противоположной люнете Августин в келье пишет письмо св. Иерониму и в этот момент **Иероним** является **Августину**.

Смерть Августина

СПАСИБО ЗА ВНИМАНИЕ!